

Сунь Юэ тяжело вздохнул:

— Я поступил в окружное училище в прошлом году, учусь здесь уже полтора года. Да плюс семь лет домашнего обучения — в итоге больше восьми лет набежало. Тебе в этом году всего-то четырнадцать исполнилось, а мне уже пятнадцать. Знаешь ли ты, что мой двоюродный брат в пятнадцать лет уже стал сюцаем?

Тан Шэнь отозвался:

— Всё познается в сравнении. Нет сравнения — нет и обиды, я понимаю.

Сунь Юэ вытаращил глаза:

— Ты понимаешь? Да что ты понимаешь! Ну ты и тип, Тан Шэнь! Я-то думал, мы в одной лодке, делим на двоих и невзгоды, и радости. А ты, оказывается, вот-вот сдашь на сюцай!

— Так ведь я его еще даже не сдавал.

Сунь Юэ простонал:

— Ты точно сдашь! О небо, ну почему мне достался такой одноклассник? Ладно бы ты провалился, но если сдашь, матушка с меня живого не слезет. Учусь дольше твоего, а успехи — курам на смех по сравнению с твоими! Братец Тан, дорогой мой Тан, сжался над своим младшим на этот раз, а?

Тан Шэнь невозмутимо ответил:

— Ты далеко не первый, кого твой братец Тан доводит до белого каления с самого детства. Иди-ка лучше учись, Сунь Юэ.

— А?

— Ничего. Булочки с мясом еще будешь?

— Пошли!

К предстоящему уездному экзамену Тан Шэнь готовился со всей решимостью — он был настроен только на победу.

За пять дней до уездного экзамена в Академии Цзыян объявили каникулы, чтобы ученики могли самостоятельно повторить материал. Почти все воспитанники окружного училища уже имели ученую степень сюцай, однако оставалось несколько человек вроде Тан Шэня и Сунь Юэ, которым только предстояло выдержать уездный экзамен.

Тан Шэнь поначалу собирался провести эти пять дней дома за книгами, повторяя старое и познавая новое. Однако ранним утром первого же дня у его ворот остановилась повозка. Выйдя встретить гостя, Тан Шэнь увидел спускающегося Лян Суна.

— Юйчжи уехал в Цзиньлин по делам, а я на днях отправляюсь в уезд Шачжоу, — произнес учитель. — Поедешь со мной?

Тан Шэнь опешил:

— Господин Лян, но ведь через пять дней вашему ученику предстоит сдавать уездный экзамен.

Лян Сун приподнял бровь:

— Неужели боишься не сдать?

— Вовсе нет.

— Тогда к чему сомнения?

— ...

«Мне ведь нужно войти в первую десятку!!!»

Сказать это вслух Тан Шэнь не решился. Глядя на его забавную растерянность, Лян Сун подумал, что в этот миг перед ним стоял самый обыкновенный, незрелый еще подросток. Лян Сун с улыбкой произнес:

— Поехали. Если не сдашь этот несчастный уездный экзамен, даже не смей впредь называться моим учеником.

Тан Шэнь покорно согласился, быстро собрал вещи и уехал вместе с Лян Суном.

Экипаж выехал за пределы управы Гусу и направился на север. Погода понемногу теплела, но в воздухе все еще чувствовался морозный холодок. Внутри повозки стояла небольшая грелка. Тан Шэнь вспомнил, как месяц назад, когда он встречал Господина Ляна у городских ворот, тот отдал ему эту самую вещицу, чтобы согреть руки.

Дорогой учитель и ученик почти не разговаривали, каждый погрузился в свою книгу. Лишь изредка Лян Сун задавал вопросы, на которые Тан Шэнь старательно отвечал, а учитель мягко указывал ему на пробелы в знаниях.

К вечеру они прибыли в уезд Шачжоу.

Уезд Шачжоу располагался на самой северной границе управы Гусу. И если на территории управы Гусу снегопад прекратился еще три дня назад, то здесь все еще было укрыто серебряным покрывалом. Бескрайние поля ровной пеленой занесло снегом, и среди этой слепящей белизны сиротливо жались друг к другу несколько деревушек. Возница направил экипаж к одной из усадеб.

Экипаж остановился перед небольшим двориком. Не успели они сойти, как навстречу им из дома вышел хозяин.

Это был сгорбленный седовласый старик. Опираясь на посох, он подошел к экипажу, почтительно поклонился и произнес:

— Великий ученый Лян.

Лян Сун спустился на землю и ответил на приветствие:

— Цзюйжэнь Чжао.

Тан Шэнь изумился. Он и подумать не мог, что этот невзрачный с виду старик, живущий в такой скромной обители, окажется цзюйжэнем.

Цзюйжэнь Чжао пригласил гостей в дом и выделил им комнаты.

Лян Сун пояснил:

— Я приехал занять у него пару книг, а заодно осмотреться в уезде Шачжоу. Послезавтра мы уезжаем. Глаза мои уже не те, годы для усердного письма давно миновали. Раз Юйчжи здесь нет, ты займешь его место. Перепиши для меня эти книги, чтобы я мог увезти их с собой.

Тан Шэнь с покорной усмешкой ответил:

— Слушаюсь.

Выходит, его просто-напросто притащили сюда в качестве бесплатного писца!

Цзюйжэнь Чжао принес Тан Шэню две книги местных хроник уезда Шачжоу, и тот принялся аккуратно выводить иероглифы тонкой кистью для каллиграфии. Писал он не быстро — чтобы выводить столь мелкие знаки, приходилось держать руку на весу. Переписав несколько страниц, он почувствовал усталость. Помассировав затекшее предплечье, Тан Шэнь продолжил работу.

Лян Бовэнь признавался великим ученым своего времени, однако книги, которые его привлекали, отличались поразительным разнообразием.

Тан Шэнь как-то раз бывал в библиотеке своего учителя: там хранились тысячи свитков и книг. От астрономии и географии до поэзии, историй о духах и различных течений конфуцианства — здесь нашлось бы всё. Лян Бовэнь никогда не ограничивал себя рамками какого-то одного направления; он обладал поистине энциклопедическими знаниями и прекрасно ориентировался как в древности, так и в современности.

К тому времени, когда Тан Шэнь принялся за второй том, на улице уже стемнело.

— Когда выводишь крючок, скрывай острие кисти чуть сильнее.

Тан Шэнь вздрогнул от неожиданности и едва не сделал ошибку, но на бумаге все равно осталась крошечная клякса. Он поднял голову:

— Господин Лян?

Лян Сун незаметно подошел ближе и теперь при свете свечи молча наблюдал за тем, как пишет его ученик.

Тан Шэнь никогда не любил заниматься по ночам. Тан Хуан частенько подшучивала над ним, заявляя, что брат ленится и не хочет готовиться к экзаменам. На это Тан Шэнь с полным правом возражал:

— Светить масляной лампой и портить глаза? Ты хочешь, чтобы твой брат ослеп в столь юном возрасте?

А-Хуан не понимала, что такое «близорукость», но упрямство брата видела отчетливо.

Теплый огонек свечи мягко подрагивал. Лян Сун стоял у стола, а Тан Шэнь сидел, склонившись над рукописью.

— Продолжай, — тихо промолвил Лян Сун.

— Слушаюсь.

Тан Шэнь сосредоточился, стараясь выводить иероглифы еще аккуратнее. Когда он дошел до середины листа, Лян Сун произнес:

— Твои ежедневные упражнения в каллиграфии принесли плоды. Однако в твоих иероглифах всё еще проглядывает острое кисти.

— Разве это плохо, Господин Лян?

— Выставлять острое напоказ, разумеется, не стоит. Но у тебя оно лишь угадывается, так что это не беда, а скорее придает твоему почерку особый характер. Будь твоя манера чрезмерной, прославленные мастера скорописи прослыли бы заносчивыми гордецами, не замечающими никого вокруг. Но помни, Тан Шэнь: пока ты лишь простолюдин без ученой степени. Чтобы сдать экзамены, ты обязан в совершенстве владеть стилем Гуаньгэти.

Лян Сун мягко накрыл своей ладонью руку Тан Шэня и стал направлять его кисть. На бумаге один за другим начали проступать изящные черные иероглифы.

Пожалуй, в эту эпоху многие отцы точно так же держали сыновей за руки и терпеливо учили их: «Черты должны быть гармоничными, округлыми и изящными. Вертикальные штрихи не должны выходить за границы клеток, а крючки — обнажать острое кисти. Все знаки должны быть одинаковыми по размеру и прописаны до мельчайших деталей. Ты обязан в совершенстве овладеть стилем Гуаньгэти, иначе, будь ты хоть самым сошедшим на землю Богом Литературы, тебе вовек не услышать оглашения своего имени на дворцовом экзамене».

В комнате воцарилась глубокая тишина. Лишь спустя долгое время Тан Шэнь тихо произнес:

— Господин Лян, но разве я когда-то говорил, что хочу сдать дворцовый экзамен?

Лян Сун со смехом побранил его:

— Ах ты, паршивец! Думаешь, стоит тебе только пожелать — и ты с легкостью сдашь дворцовый экзамен? Как бы тебе вообще на цзюйжэня не провалиться!

Тан Шэнь с самым серьезным видом задумался:

— Если ваш ученик не сможет сдать экзамен на цзюйжэня, не пострадает ли репутация Господина Ляна? Я буду первым вашим учеником, который не смог этого сделать?

— Ступай-ка ты отсюда!

— Слушаюсь!

Лян Сун помог Тан Шэню исписать два листа бумаги, а затем заставил его написать еще несколько страниц самостоятельно.

— Ладно, ложись спать, завтра продолжишь.

— Разрешите мне написать еще немного, — попросил Тан Шэнь.

— Иди спать. Завтра нужно встать пораньше, мы прогуляемся по уезду Шачжоу.

Тан Шэню ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Переночевав у цзюйжэня Чжао, учитель и ученик сели в повозку и отправились к горе

Сяншань, что лежала к северу от уезда Шачжоу. Добравшись до подножия, они вышли и двинулись пешком по узкой тропинке. Гора Сяншань была самой высокой точкой в уезде Шачжоу, хотя в ней едва ли насчитывалось чуть больше ста метров высоты. На ее склонах росли тисы и сосны Массона, зелень деревьев скрывала журчащие ручьи, а среди белого снега звенели птичьи голоса.

Тан Шэнь был молод и крепок, поэтому даже с тяжелой ношей за плечами шел без особого труда. Однако Господин Лян из-за преклонных лет уже у ущелья Таохуа начал тяжело дышать, а когда они добрались до приюта Тинсунинь, совсем выбился из сил. Здесь вечнозеленые сосны стояли укрытые серебряным снегом, и на каждом шагу ноги проваливались в сугробы по щиколотку.

Лян Сун остановился, тяжело переводя дух:

— Твой учитель больше не сделает ни шагу. Тан Шэнь, ступай на вершину один.

Тан Шэнь растерялся:

— Господин Лян?

— Я уже стар, а до вершины еще идти и идти. Ступай один.

Тан Шэню и самому не хотелось продолжать путь. Он шел в горы лишь ради того, чтобы составить компанию учителю. Раз тот оставался внизу, то зачем ему подниматься? Однако Лян Сун настаивал: раз они проделали такой путь, а его собственные силы иссякли, Тан Шэню непременно стоит подняться на вершину и полюбоваться оттуда просторами земель У.

Тан Шэню пришлось продолжить подъем в одиночку.

«И где же здесь те красоты, о которых говорил Господин Лян?» — с улыбкой подумал Тан Шэнь.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Гора Сяншань была лишь неприметным холмом в уезде Шачжоу управы Гусу. Тан Шэнь в своей прошлой жизни поднимался на величественную Тайшань, главенствующую над Пятью Великими горами, и на славящуюся своими крутыми склонами Хуашань. Сяншань рядом с ними казалась совсем незначительной.

Когда он спустился, Лян Сун спросил его:

— Ну как, хорош ли вид с вершины?

Тан Шэнь немного подумал и ответил:

— Воздух на вершине чистый и прохладный, да и небо сегодня безоблачное. Управу Гусу оттуда, конечно, не разглядеть, зато весь уезд Шачжоу виден как на ладони. Пейзаж и впрямь чудесный.